

Ольга Шапиро¹

ПРОТИВОРЕЧИВ ЛИ «КВАНТОВЫЙ» МЫСЛИТЕЛЬ?

Аннотация. Кто такой «квантовый» мыслитель? Это человек, сформировавшийся в условиях господства клиповой культуры. Его способ мысли заметно отличается от того, который был принят еще полвека назад, и представляет собой стиль мышления современной эпохи. Среди особенностей этого стиля мышления принято выделять постоянное переключение внимания между различными блоками информации, а также специфическую паранепротиворечивость.

Но действительно ли квантовый мыслитель склонен нарушать логический закон противоречия? Анализ его рассуждений и убеждений, предпринятый в статье, показывает, что это не совсем так. Опираясь на идеи Аристотеля, а также их интерпретацию Я. Лукасевичем и Я. А. Слининым, автор приходит к выводу, что квантовый мыслитель, как и любой другой, стремится избегать внутренней противоречивости своих идей, однако делает это не при помощи отказа от одних убеждений в пользу других, но путем различения контекстов этих убеждений таким образом, что о них становится невозможно сказать, что они взяты в одно и то же время и в одном и том же отношении.

Ключевые слова: квантовое мышление, стиль мышления эпохи, закон противоречия, противоположность, суждение, убеждение, противоречивость.

Olga Shapiro

IS A “QUANTUM” THINKER INCONSISTENT?

Abstract. Who is a “quantum” thinker? This is a person who was formed under the dominance of clip culture. His way of thinking is markedly different from that which was adopted half a century ago and represents the style of thinking of the modern era. Among the features of this style of thinking are the constant switching of attention between different blocks of information and specific paraconsistency.

But is the quantum thinker really inclined to contravene the logical law of contradiction? The analysis of his reasoning and beliefs, undertaken in the article, shows that this is not entirely true. Based on the ideas of Aristotle, as well as their interpretation by Lukasevich and Slinin, the author comes to the conclusion that a quantum thinker, like any other, strives to avoid the internal inconsistency of his ideas, however, he does this not by rejecting some beliefs in favor of others but by distinguishing the contexts of these beliefs in such a way that they become it is impossible to say that they are taken at the same time and in the same respect.

Keywords: quantum thinking, style of thinking of the epoch, law of contradiction, opposition, assertion, belief, inconsistency.

¹*Шапиро Ольга Александровна* — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры онтологии и теории познания факультета философии и психологии Воронежского государственного университета.

Olga Shapiro, C.Sc. (philosophy), docent, Department of Ontology and Theory of Knowledge, Faculty of Philosophy and Psychology, Voronezh State University.
shapiro.olha@gmail.com

Для цитирования: *Шапиро О. А.* Противоречив ли «квантовый» мыслитель? // *Логико-философские штудии.* 2022. Т. 20, № 2. С. 238–249. DOI: 10.52119/LPHS.2022.59.96.016.

Подавляющую часть проблем современной логики очертил еще Аристотель. Некоторые из них были детально проработаны им самим, его последователями и средневековыми схоластами; некоторым пришлось ждать два с половиной тысячелетия, чтобы быть переоткрытыми заново и по-новому осмысленными. Классические примеры таких проблем — проблема логического значения высказываний о будущем, поднятая еще в знаменитой девятой главе «Об истолковании» (Аристотель 1978: 99–102) и приведшая известного польского логика Я. Лукасевича к построению многозначной логики (Лукасевич 2012: 215–237), а также результаты исследования Х. Перельмана и Л. Олбрехтс-Тытеки (Perelman, Olbrechts-Tyteca 1971), приведшие к повторению идей Аристотеля, в частности о значении специфики аудитории для подготовки публичной речи (Аристотель 2019).

В этой статье речь пойдет о «святая святых» логики, а именно о законе противоречия, также сформулированном Аристотелем. Однако рассмотрим мы его в новом контексте формирования так называемого клипового (или «квантового») мышления. Как удачно заметил Я. А. Слинин, «основные законы логики очерчивают границы, в пределах которых разум может быть эффективным. Сформированные еще в древние времена законы тождества, противоречия и исключенного третьего свидетельствуют о том, какими свойствами должны обладать предметы для того, чтобы логика, а стало быть и разум в целом могли иметь с ними дело» (Слинин 2004: 14). Однако квантовое мышление на удивление вольно обходится с этими законами, создавая совершенно новый когнитивный контекст современной культуры.

Понимание стиля мышления эпохи представляет не только исторический интерес. По словам А. А. Ивина, он «слагается под воздействием культуры как целого и является фактором, определяющим ее влияние на теоретическую деятельность и науку» (Ивин 2016: 335). Этот стиль задает стандарты рациональности, научности, коммуникативной приемлемости; он «является тем посредником, через который культура эпохи создает свой собственный стиль аргументации» (Ивин 2016: 339). И хотя логика стремится к точности, для своего практического применения кроме строгого доказательства правильности схемы рассуждений должны пройти еще легитимизацию, представляющую собой социальный консенсус относительно приемлемости того или иного способа рассуждения и аргументации. Именно этот консенсус и представляет собой квинтэссенцию стиля мышления эпохи.

Современность, определяемая невиданным доселе скачком в развитии технологий, характеризуется переходом к новому типу текстовой культуры — электронному. Виртуальные коммуникации задают новые стандарты обработки информации,

написания текстов, аргументации, которые аккумулируются в квантовом мышлении, представляющем собой стиль мышления эпохи. В этой статье мы выясним, что происходит в рассуждениях носителей квантового мышления с логическим законом противоречия, и проверим, каким образом это соотносится с тем, что писал об этом законе Аристотель. Подражая Р. Смаллиану, мы назовем носителя квантового мышления «квантовым мыслителем» и разберемся, является ли этот мыслитель еще и непротиворечивым, полагая, что «мыслитель непротиворечив, если множество предложений, в которые он верит, является непротиворечивым множеством, и $\langle \dots \rangle$ противоречив, если противоречиво множество его вер» (Смаллиан 2013: 115).

В работах Аристотеля встречается целый ряд формулировок закона противоречия, которые позже Я. Лукасевич обозначит как онтологический, логический и психологический принципы противоречия (Лукасевич 2012). В «Метафизике» Аристотель пишет: «невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении» (Аристотель 1975: 125). При этом Аристотель полагает этот закон «началом, наиболее достоверным из всех», являющимся началом «даже для всех других аксиом», «относительно которого невозможно ошибиться» и которое «необходимо знать всякому, постигающему что-либо из существующего» (Аристотель 1975: 125). В «Метафизике» мы видим ряд полемических пассажей, в которых Аристотель громит своих оппонентов, показывая, что отрицание начала противоречия приводит к существенным проблемам в мышлении. Впрочем, в дальнейшем этот принцип утверждается в логике как общепринятый и очевидный и оказывается в основе ряда дедуктивных рассуждений, более того, в основе понимания рациональности и научности.

В 1910 году Лукасевич сетовал на недостаточный интерес к принципу противоречия: «плохо, когда в философии существуют неприкасаемые принципы; хуже, если эти принципы необоснованны, но еще хуже, если эти неприкасаемые и необоснованные принципы были когда-то предметом горячего спора» (Лукасевич 2012: 56). Пройдет совсем немного времени, и ситуация коренным образом изменится: в XX веке закону противоречия посвящена уйма логической литературы. Это связано, во-первых, с идеями К. Геделя, представившего непротиворечивость не только и не столько как критерий рациональности мышления, но и как серьезную математическую проблему, а во-вторых, с формулированием в рамках неклассической логики ряда паранепротиворечивых систем, оказавшихся как интересным интеллектуальным экспериментом, так и эффективным способом описания некоторых когнитивных ситуаций и дискурсов. Оба направления исследований до сих пор остаются на пике популярности; за последние 100 лет к ним обращались многие известные исследователи, включая Я. Хинтикку и Р. Смаллиана, Дж. М. Данна и Н. Белнапа и др. Полноценный критический обзор всего корпуса текстов, посвященных проблемам и ограничениям закона непротиворечивости, потребовал бы объема как минимум монографии.

В своей работе «Quantum mind» американский исследователь Дж. Р. Бьюзмейер и его австралийский коллега П. Д. Бруза предлагают использовать термин «квантовое мышление» как метафору (Busemeyer, Bruza 2012). Речь не идет здесь о квантовой теории или квантовой логике как таковой; квантовость характеризуется зависимостью мыслительных процессов от наличия внешнего наблюдателя и специфической паранепротиворечивостью. Любопытно, что в качестве иллюстрации этой паранепротиворечивости исследователи приводят эксперимент, который на самом деле демонстрирует нарушение закона исключенного третьего, и, более того, отсылает нас к психологическим причинам его нарушения. Суть эксперимента состоит в том, что студентам предлагают сыграть в некую азартную игру и после первого раунда предлагают принять решение, будут ли они продолжать, причем одной группе студентов сообщают о результатах первого раунда, а второй — нет. Оказалось, что студенты из второй группы (не знающие о том, выиграли ли они в первом раунде), продолжать играть отказываются, тогда как студенты из первой группы соглашаются продолжить игру как в случае выигрыша в первом раунде, так и в случае проигрыша.

Этот эксперимент имеет любопытное психологическое объяснение и важные логические следствия. Бьюзмейер и Бруза полагают, что для того, чтобы принять решение в пользу продолжения игры, студентам необходим мотив. Таким мотивом может служить и выигрыш (создающий ощущение, что игра «идет» и, следовательно, выгодно ее продолжать, чтобы выиграть больше), и проигрыш (вызывающий желание отыграться). Когда испытуемый не знает результата, у него не актуализируется ни один из возможных мотивов, и, соответственно, принимается решение закончить игру. При этом с логической точки зрения такая ситуация выглядит довольно странной, если учесть, что испытуемый, даже не зная результатов первого раунда, понимает, что он либо выиграл, либо проиграл.

Рассмотрим два варианта суждений, которые могли бы сделать участники игры:

- (1) Если агент x , участвующий в игре, знает о результате предыдущего раунда, то он исходит из убеждения $(A \rightarrow B) \wedge (\sim A \rightarrow B)$, где A — «агент x выиграл» и B — «агенту x следует продолжать игру».
- (2) Если агент не знает результатов предыдущего раунда, то он исходит из предположения, что этот результаты — либо выигрыш, либо проигрыш: $((A \vee \sim A) \rightarrow \sim B)$.

Что мы можем сказать об этих двух суждениях? Что они противоречивы, т. е. их конъюнкция является всегда ложным высказыванием.

Здесь нам необходимо немного отвлечься от примера с азартной игрой (позже мы к нему еще вернемся) и обратить внимание на то, что в логике мы различаем отношения противоречия и противоположности, которые могут устанавливаться как между суждениями, так и между понятиями:

	Противоречие	Противоположность
Теория понятий	Два вида одного рода, одному из которых присуще некоторое свойство, а другому не присуще. Противоречащие понятия получаются в результате дихотомического деления родового понятия; сумма их объемов исчерпывает объем родового понятия	Крайние виды одного рода, между которыми есть промежуточные элементы
Теория суждений	Отношение между суждениями по диагонали логического квадрата (т. е. между общеутвердительным и частноотрицательным, а также между общеотрицательным и частноутвердительным), когда истинность одного из суждений влечет ложность другого и наоборот	Отношение между общеутвердительным и общеотрицательным суждениями, когда истинность одного из суждений влечет ложность другого (обратное неверно)

Можно также определить отношения противоречия и противоположности между сложными высказываниями на основании набора их истинностных значений: не совместимы ни по истинности, ни по ложности высказывания, находящиеся в отношениях противоречия, тогда как не совместимы по истинности, но совместимы по ложности — высказывания, находящиеся в отношениях противоположности. Такая интерпретация позволяет экстраполировать закон противоречия на сколь угодно сложные высказывания. Стандартная запись закона на языке логики высказываний $\sim(A \wedge \sim A)$ здесь явно указывает на отношения именно противоречия между суждениями (что легко доказывается при помощи построения таблицы истинности).

В текстах самого Аристотеля различия между противоположностью и противоречием неочевидны; на это как на проблему прочтения закона противоречия обратил внимание еще Лукасевич (Лукасевич 2012). Я. А. Слинин, по-видимому, считает иначе, полагая, что проблема не столько в Аристотеле, сколько в нашей интерпретации его текстов, которым мы пытаемся приписать больше, чем там на самом деле есть: «Если утвердиться в том убеждении, что Аристотель хотел нам сказать только то, что сказал, то мы получим более интересную и плодотворную интерпретацию обсуждаемого нами положения Аристотеля. Она такова:

«Противолежащие друг другу высказывания не могут быть вместе истинными, но не известно, могут или не могут они быть вместе ложными» (Слинин 2016: 60). Тогда выходит, что «отношение противоречия подчиняется закону исключенного третьего {...}. Что касается отношения противоположности, то оно подчиняется только закону противоречия, закону же исключенного третьего не подчиняется» (Слинин 2010: 32).

Допустим, проблема квантового мышления находится не в отказе от логических законов исключенного третьего и/или противоречия, но в смешении отношений противоречия и противоположности. Тогда, возвращаясь к нашему примеру, мы предположим, что агент x верит, что между суждениями « x проиграл» и « x выиграл» могут быть некоторые промежуточные высказывания; например, « x частично проиграл, а частично выиграл», или предполагается шкала « x полностью проиграл», « x незначительно проиграл», « x незначительно выиграл», « x полностью выиграл». Что тогда происходит с суждениями (1) и (2)?

Рассмотрим вариант с сочетанием выигрыша и проигрыша в одном исходе игры. Такая оценка исхода соответствует пресыщенной оценке в четырехзначной логике Белнапа (Белнап 1981); но что произойдет при введении такой альтернативы и одновременной попытке соблюдения принципа двузначности? В этом случае нам необходимо дополнить суждения (1) и (2) таким образом, чтобы были учтены все варианты. В суждение (1) мы тогда будем должны добавить еще один имплицативный конъюнкт, антецедентом которого окажется «упущенный» нами промежуточный вариант. Эксперимент не дает нам ответа на вопрос, что мы должны поставить в его консеквенте, и такой вариант является гипотетическим. Однако мы можем опереться на известный логический принцип «из противоречия может следовать все, что угодно»; тогда естественно предложить в качестве консеквента открытый выбор между продолжением или завершением игры:

$$(1') (A \rightarrow B) \wedge (\sim A \rightarrow B) \wedge ((A \wedge \sim A) \rightarrow (B \vee \sim B))$$

Соответственно, в суждении (2), дополнив антецедент еще одним элементом дизъюнкции, мы получим:

$$(2') (A \vee \sim A \vee (A \wedge \sim A)) \rightarrow \sim B$$

Любопытно, что с точки зрения классической двузначной логики ничего не изменилось: ни добавление истинного конъюнкта, ни добавление ложного дизъюнкта не изменяют истинностного значения конъюнкции и дизъюнкции соответственно, т. е. мы получили равнозначные высказывания. Однако мы видим, что содержательно ситуация выглядит иначе: даже зная исход игры, испытуемый теперь допускает вариант, когда игру можно не продолжать, хотя и необязательно (а точнее — безразлично, продолжать ее или нет; мы можем предположить, что речь может здесь идти о случайном решении, например на основании жребия), и в этом случае появление в суждении (2') варианта не продолжать игру уже не кажется таким внезапным. Более того, оно предполагает как раз реализацию одного

из возможных исходов противоречивой альтернативы.

Для истолкования этой ситуации у нас есть два пути: использовать для анализа «квантовых» рассуждений многозначную логику или интерпретировать высказывания в основании «квантовых» рассуждений не как суждения, а как модальные высказывания, выражающие некоторую когнитивную позицию, убеждения. Рассмотрим оба этих варианта подробнее.

1) Интуитивно самым естественным решением для репрезентации многозначности «квантового» суждения кажется использование четырехзначной логики Дана — Белнапа. В пользу выбора именно этого пути говорит также и изначальный посыл построения такой логики: так, Н. Белнап моделирует рассуждения компьютера или компьютерной сети, в которую была введена противоречивая информация относительно одних фактов и не было введено никакой информации относительно других (Белнап 1981). «Квантовое» мышление — дитя электронной текстовой культуры; во многом способы обработки информации носителем квантового мышления близки алгоритмам функционирования поисковых серверов; моделирование рассуждений квантового мыслителя средствами логики, построенной для описания выводов компьютера, — очевидный и во всех отношениях верный ход. Но наша цель иная; поэтому мы снова обратимся к Аристотелю.

Оказывается, у Стагирита тоже не все так просто с принципом «двузначности». Он действительно говорит о двух истинностных значениях, которые могут быть приписаны суждениям: «истинно» и «ложно», — но при этом можно говорить о различных степенях ложности. «Аристотель допускает, что всегда можно распознать и выделить такие общие высказывания, ложность которых влечет за собой истинность не только противоречащих, но и противоположных им высказываний. Такие высказывания он именуется целиком ложными. Те же высказывания, ложность которых влечет за собой истинность лишь противоречащих им высказываний, Стагирит называет отчасти ложными» (Слинин 2010: 34). Очевидно, что речь здесь идет о двух степенях ложности только общих высказываний, поскольку высказывания частные не связаны отношениями противоположности. Содержательно мы можем определить эти отношения следующим образом:

- общее суждение A ложно *отчасти* тогда и только тогда, когда содержащаяся в нем информация относительно наличия свойства P у S истинна относительно одних элементов объема S и ложна относительно других;
- общее суждение A ложно *целиком* тогда и только тогда, когда содержащаяся в нем информация относительно наличия свойства P у S ложна для всех элементов объема S .

В классической логике мы не различаем этих оттенков ложности; фактически, мы делим суждения на истинные и не-истинные, а онтологические и прочие исследования природы ложности остаются за скобками. Но, похоже, носитель «кванто-

вого» мышления, дитя эпохи пост-правды, различает эти оттенки.

Вернемся к нашему высказыванию (1'). Выигрыш и проигрыш в нем выглядят как « x выиграл раунд 1» и «неверно, что x выиграл раунд 1». Что значит — неверно, что выиграл? Это может быть полный проигрыш, частичный проигрыш или даже ничья.

Предположим, что у нас есть игра, в которой ведутся одновременно два счета: личный и командный. Тогда суждение A « x выиграл» истинно в том и только том случае, когда x выигрывает по обоим счетам; целиком ложно, когда x проиграл по обоим счетам, и отчасти ложно, когда по одному из счетов x выиграл, а по другому — проиграл. Тогда высказывание $(A \wedge \sim A)$ оказывается формальной попыткой репрезентации отчасти ложного суждения. В эксперименте Брузы и Бьюзмейера испытуемым сообщался вариант или выигрыша, или полного проигрыша; однако предположим, что испытуемые считают возможным и частичный выигрыш/проигрыш, т. е. третий исход, когда высказывание « x выиграл» лишь отчасти ложно. Тогда содержательно (1') можно интерпретировать как «в случае полного проигрыша/выигрыша следует продолжать игру, тогда как в случае частичного проигрыша нет рекомендаций, продолжать ли ее».

Что же тогда получается с (2')? Мы имеем перечисление всех трех вариантов исхода (x полностью выиграл, полностью проиграл, отчасти проиграл) и решение не продолжать игру, раз уж неизвестно, какой из исходов реализован. Но, возможно, мы не до конца восстановили рассуждение испытуемого?

Формально мы из варианта (1') должны были получить следующее:

$$(2'') (A \vee \sim A \vee (A \wedge \sim A)) \rightarrow (B \vee (B \vee \sim B))$$

Мы можем сократить консеквент и получить равнозначную формулу:

$$(A \vee \sim A \vee (A \wedge \sim A)) \rightarrow (B \vee \sim B)$$

Т. е. из (1') следует, что у нас нет рекомендаций, следует ли продолжать игру в случае, если исход ее предыдущего раунда нам неизвестен. И уже в условиях отсутствия рекомендаций испытуемый выбирает наименее затратный для себя вариант, т. е. не продолжать игру; такое «ленивое» решение может оказаться не самым эффективным, но его никак нельзя назвать нелогичным или противоречивым.

2) В «Метафизике» мы читаем: «очевидно, что один и тот же человек не может в одно и то же время считать одно и то же существующим и не существующим» (Аристотель 1975: 125); таким образом Аристотель раскрывает субъективный смысл начала противоречия. Итак, нам важно решить вопрос: может ли носитель квантового мышления иметь одновременно два противоположных убеждения, и если да, то как это возможно; т. е. нарушается ли психологический принцип противоречия носителем квантового мышления и каким образом это отражается на формулировании им суждений.

Я. Лукасевич полагает, что психологическая формулировка начала противоречия очевидно ущербна по сравнению с остальными. Речь здесь идет не о фактах реальности, которые могут быть или не быть, и не о суждениях об этих фактах, которые могут быть истинными или ложными (т. е. соответствовать фактам или нет), но о мнении об этих фактах некоторого субъекта. Лукасевич пишет: «убеждение (...) не является воспроизведением ни одного факта, а поэтому в точном значении не является ни истинным, ни ложным» (Лукасевич 2012: 80); «психологический принцип противоречия может быть не более чем эмпирическим законом. Подобные законы никогда не являются окончательными, но лишь правдоподобными» (Лукасевич 2012: 82). В той же работе Лукасевич яростно критикует Аристотеля за то, что тот не только позволяет себе приписывать истинностные значения убеждениям, а не только суждениям, но еще и в случае убеждений предполагает наличие шкалы, отображающей градиенты истинности или ложности: «Такие взгляды ведут к заключению, что отношения противоположности возникают между наиболее истинным и наиболее ложным убеждением о данной вещи (...). Согласиться с этим рассуждением невозможно: ведь нельзя принять, что существуют постепенные различия в истинности и ложности. (...) Если нет постепенных различий в истинности и ложности, то нет также и противоположных или полярно отличающихся убеждений с точки зрения истинности и ложности» (Лукасевич 2012: 76–77).

Вторая Лукасевичу, скажу: согласиться с этим невозможно. Лукасевич смешивает здесь убеждения как мнения или верования с чувствами и ощущениями: «убеждения, будучи психическими явлениями, не означают, что нечто есть или не есть; это некоторые чувства, которые невозможно определить, их нужно пережить» (Лукасевич 2012: 79). Конечно, само по себе убеждение не означает, что нечто есть или не есть; убеждение означает наличие у когнитивного агента некоторой интерпретации того, есть ли нечто или нет, или, проще говоря, приписывание когнитивным агентом некоторому факту *K* истинностного значения. Высказывания, выражающие убеждения субъекта — это модальные высказывания. Они могут быть маркированы модальными словами «полагаю», «верю», «убежден» и т. д.

Противоположными мы можем считать убеждения в том случае, если одному и тому же факту когнитивный агент приписывает различные истинностные значения². Суждение может иметь лишь одно логическое значение (истинно, ложно, частично ложно, не определено и т. д. — в зависимости от того, язык какой логики мы используем), при этом наша оценка суждения может совпадать с этим значением (и тогда наше убеждение может быть оценено как истинное) или не

²Я говорю здесь именно «различные», а не «противоположные», поскольку мы можем иметь дело с многозначной логикой; например, в четырехзначной логике Данна — Белнапа могут быть выбраны значения «истинно» и «не истинно, не ложно», а в версии Аристотеля может быть одному суждению приписано одновременно значение «полностью ложно» и «отчасти ложно», т. е. речь идет о любой паре различных значений, приписываемых одному суждению.

совпадать (и тогда наше убеждение будет ложным). Если мы выражаем убежденность сразу в нескольких (двух и более) вариантах интерпретации истинностного значения суждения, то мы высказываем противоположные убеждения. При этом истинным может оказаться только одно из высказанных убеждений (а может — и ни одного; например, если суждение на самом деле полностью ложно, а мы полагаем, что оно «истинно и отчасти ложно»). Таким образом, противоположные убеждения могут быть одновременно ложными, и не могут — одновременно истинными, что соответствует отношениям противоположности между простыми суждениями в логическом квадрате.

Э. Гуссерль пишет: «Человеческий ум может вмещать величайшие противоречия до тех пор, пока он в состоянии распределить их по различным течениям мыслей, держать их вдали друг от друга; но если одно и то же высказывание непосредственно вместе со своей противоположностью относится к одному и тому же предмету, то эта способность к соединению прекращается; возникает либо совершенная неуверенность, либо же одно из утверждений должно уступить место другому» (Гуссерль 2000: 111). Любопытно, что психологическому закону противоречия он приписывает ту же изначальность и априорность для нашей когнитивной деятельности, которую началу противоречия в его онтологической версии приписывает Аристотель: «психологический закон противоречия непосредственно дан в нашей организации и ранее всякого опыта действует как условие всякого опыта. Его действие объективно, и он не должен быть сознаваем для того, чтобы проявлять себя» (Гуссерль 2000: 112).

Если мы будем говорить о квантовом мышлении, то психологический закон противоречия заиграет новыми красками. Дело в том, что «квантовость» мышления — следствие «клиповости» восприятия. Начало исследования феномена «клиповости» положил Тоффлер, который ввел термин «клиповая культура», имея в виду специфику современной медийной культуры с характерной для нее быстрой сменой разнородных информационных блоков (Тоффлер 2010). Среди специфических характеристик клипового мышления выделяют дробление анализируемой и воспринимаемой информации на короткие блоки («клипы») и постоянное переключение с одного такого блока на другой, причем сами блоки могут быть разнородны по форме и не связаны между собой тематически (Гиренок 2016). Тогда для того, чтобы мыслящий субъект осознал противоречие и сделал выбор в пользу одного из противоположных убеждений, эти убеждения должны оказаться внутри одного информационного блока. Если же они разведены по разным блокам, то каждый блок рассматривается как специфический контекст и предполагается, что противоположные суждения делаются в разное время и/или в разном отношении. Фактически суждениям, относительно которых высказываются противоположные убеждения, отказывается в тождественности (и я не возьму на себя смелость предполагать, что такая нетождественность каждый раз иллюзорна). Если же два противоположных убеждения все-таки оказываются внутри одного

информационного блока, то для квантового мыслителя более простым решением будет не принимать решение относительно того, какое из убеждений должно быть признано ложным, а раздробить информацию на еще более короткие блоки и объявить, что убеждения вовсе не противоположны, поскольку имеет место смена контекста. Именно эта когнитивная стратегия ведет к формированию установки, выражаемой обычно как «у каждого своя правда» или «не все так однозначно».

Подведем итоги. Квантовый мыслитель оказывается довольно специфичен, но он не противоречив в своих рассуждениях и убеждениях. Он гиперчувствителен к контексту и, по-видимому, неспособен (или не склонен) к обобщениям и синтезу, которые привели бы его к необходимости принимать окончательное решение относительно истинности тех или иных убеждений. Он идет по пути наименьших когнитивных усилий в своих рассуждениях, предпочитая плодить сущности, различая малейшие нюансы контекстов, но не признавать несовместимости различных позиций. Он толерантен к различиям во мнениях, но вряд ли оно готов согласиться с явным противоречием; скорее он признает некое утверждение «отчасти ложным», нежели «ложным целиком». И, конечно, он не чужд ошибок — как и любой другой мыслитель.

Литература

- Аристотель 1975 — *Аристотель*. Метафизика // Сочинения в четырех томах. Т. 1 / ред. В. Ф. Асмус. М.: Мысль, 1975. С. 63–367.
- Аристотель 1978 — *Аристотель*. Об истолковании // Сочинения в четырех томах. Т. 2 / ред. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978. С. 91–116.
- Аристотель 2019 — *Аристотель*. Риторика / пер. с др.-греч. Н. Н. Платоновой. М.: АСТ, 2019.
- Белнап 1981 — *Белнап Н.* Как нужно рассуждать компьютеру // *Белнап Н., Стилл С.* Логика вопросов и ответов. М.: Прогресс, 1981. С. 208–239.
- Гиренок 2016 — *Гиренок Ф. И.* Клиповое сознание. М.: Проспект, 2016.
- Гуссерль 2000 — *Гуссерль Э.* Логические исследования // Логические исследования. Картезианские размышления. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 5–288.
- Ивин 2016 — *Ивин А. А.* Аргументация в процессах коммуникации. Pro et contra. М.: Проспект, 2017.
- Лукаевич 2012 — *Лукаевич Я.* О принципе противоречия у Аристотеля. Критическое исследование. М. — СПб.: ЦГИ, 2012.
- Слинин 2010 — *Слинин Я. А.* Целиком ложные и лишь отчасти ложные высказывания Аристотеля // Логико-философские штудии. 2010. № 8. С. 31–45.
- Слинин 2004 — *Слинин Я. А.* О предмете и возможностях логики // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 6. 2004. Вып. 3. С. 14–17.
- Слинин 2016 — *Слинин Я. А.* Принцип противоречия Лейбница // Логико-философские штудии. 2016. Т. 13, № 3. С. 57–76.

- Смаллиан 2013 — *Смаллиан Р.* Вовеки неразрешимое. Путь к Гедделю через занимательные загадки. М.: «Канон +», РООИ «Реабилитация», 2013.
- Тоффлер 2010 — *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2010.
- Busemeyer, Bruza 2012 — *Busemeyer J. R., Bruza P. D.* Quantum Models of Cognition and Decision. New York: Cambridge University Press, 2012.
- Perelman, Olbrechts-Tyteca 1971 — *Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L.* The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1971.